

КАНОНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ ДОСТОЕВСКОГО

Каждое произведение существует на том языке, на котором написано. Это справедливо не только, скажем, для Шекспира и Сервантеса, которые существуют на английском и на испанском языках, но и для Пушкина, Гоголя, Толстого или Достоевского, которые не только писали на ином русском языке, отличном от современного, но и разделяли утраченные ныне особенности русского языка 19-го века поэтическими смыслами, которые исчезли в современной орфографии.

Достоевский придавал важное значение графическим средствам оформления текста: курсиву, заглавной букве, пунктуации, ударениям. В современных изданиях Достоевского авторским осталось лишь одно из графических средств — курсив. По обычной практике советских академических изданий в авторский текст Достоевского были внесены многочисленные конъюнктурные исправления из политических и орфографических соображений.

Упразднение в середине двадцатых годов прописного написания религиозной и церковной лексики привело к потере важных смысловых нюансов в богоискательских беседах героев романов писателя. У Достоевского заглавная буква была не столько орфографическим, сколько факультативным авторским признаком текста. Не каждый писатель стремился к использованию художественных возможностей курсива и заглавной буквы. Достоевскому они были необходимы для создания авторской системы понятий. Но если курсив экспрессивен, он интонирует текст, создает своеобразный эстетический камертон для восприятия читателем авторского смысла произведений, то заглавная буква подчеркнута рационалистична — она создает иерархические отношения в тексте, устанавливает иерархию понятий, являясь своего рода “метафизикой текста”.

Типичный и характерный пример – поэма “Великий инквизитор”. Вот текст Достоевского:

Онъ простираетъ персть свой и велитъ стражамъ взять Его. И вотъ, такова его сила и до того уже приученъ, покоренъ и трепетно послушенъ ему народъ что толпа немедленно раздвигается предъ стражами и тѣ, среди гробоваго молчанія, вдругъ наступившаго, налагаютъ на Него руки и уводятъ Его. Толпа моментально, вся какъ одинъ челоѡкъ, склоняется головами до земли предъ старцемъ-инквизиторомъ, тотъ молча благословляетъ народъ и проходитъ мимо. Стража приводитъ Плѣнника въ тѣсную и мрачную сводчатую тюрьму въ древнемъ зданіи Святаго Судилища и запираетъ въ нее. Проходитъ день, настаетъ темная, горячая и «бездыханная» севильская ночь. Воздухъ «лавромъ и лимономъ пахнетъ». Среди глубокаго мрака вдругъ отворяется желѣзная дверь тюрьмы и самъ старикъ великій инквизиторъ со свѣтильникомъ въ рукѣ медленно входитъ въ тюрьму.

А так этот текст выглядит в самом авторитетном современном издании – разночтения с оригиналом отмечены здесь и далее подчеркиванием в словах и выделением знаков пунктуации жирным шрифтом: “Онъ простирает перст свой и велит стражамъ взять его. И вот, такова его сила и до того уже приученъ, покоренъ и трепетно послушенъ ему народъ, что толпа немедленно раздвигается предъ стражами, и те, среди гробоваго молчания, вдруг наступившаго, налагают на него руки и уводятъ его. Толпа моментально, вся какъ одинъ человек, склоняется головами до земли предъ старцемъ инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо. Стража приводит пленника в тѣсную и мрачную сводчатую тюрьму в древнемъ зданіи святаго судилища и запирает в нее. Проходит день, настает темная, горячая и «бездыханная» севильская ночь. Воздухъ «лавромъ и лимономъ пахнетъ». Среди глубокаго мрака вдруг отворяется желѣзная дверь тюрьмы, и самъ

старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму”¹.

Христианский текст Достоевского представлен атеистическим, антихристианским. В этом и подобных изданиях исчезает авторская интерпретация текста.

У Достоевского:

То что имѣю сказать Тебѣ, все Тебѣ уже извѣстно, я читаю это въ глазахъ Твоихъ. И я ли скрою отъ Тебя тайну нашу? Можетъ быть Ты именно хочешь услышать ее изъ устъ моихъ, слушай же: Мы не съ Тобой, а съ *нимъ*, вотъ наша тайна! Мы давно уже не съ Тобою, а съ *нимъ*, уже восемь вѣковъ. Ровно восемь вѣковъ назадъ какъ мы взяли отъ него то что Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ который онъ предлагалъ Тебѣ показавъ Тебѣ всѣ царства земныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донынѣ не успѣли еще привести наше дѣло къ полному окончанію. Но кто виновать?

В полном “академическом” собрании сочинений этот текст получает прямо противоположное значение из-за того, что курсив остался, но исчезла заглавная буква: “То, что имею сказать тебе, всѣ тебе уже известно, я читаю это в глазахъ твоихъ. И я ли скрою отъ тебя тайну нашу? Можетъ быть, ты именно хочешь услышать ее изъ устъ моихъ, слушай же: мы не с тобой, а с *нимъ*, вотъ наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с *нимъ*, уже восемь вековъ. Ровно восемь вековъ назадъ какъ мы взяли отъ него то, что ты с негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ тебе, показавъ тебе все царства земныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 227–228.

и дон~~ы~~не не успели еще привести наше дело к полному окончанию. Но кто виноват?"²

Более того, за Достоевского расставлены знаки препинания, которые не случайно отсутствуют в речи героя.

Все современные издания Достоевского игнорируют авторскую пунктуацию, которой он придавал серьезное художественное значение. Она не всегда подчинялась грамматическим правилам 40–70-х годов 19 века, но и в тех случаях, когда она подчинялась общим правилам, его пунктуация была интонационной. Она создает художественно значимый и эстетически выразительный ритм повествования.

Вот фрагмент современного издания "Записок из подполья": "Я упражняюсь в мышлении, а следственно, у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собою другую, еще первоначальнее, и так далее в бесконечность. Такова именно сущность всякого сознания и мышления. Это уже опять, стало быть, законы природы. Что же наконец в результате? Да то же самое. Вспомните: давеча вот я говорил о мщении. (Вы, верно, не вникли). Сказано: человек мстит, потому что находит в этом справедливость. Значит, он первоначальную причину нашел, основание нашел, а именно: справедливость. Стало быть, он со всех сторон успокоен, а следственно, и отмщает спокойно и успешно, будучи убежден, что делает честное и справедливое дело. А ведь я справедливости тут не вижу, добродетели тоже никакой не нахожу, а следственно, если стану мстить, то разве только из злости. Злость, конечно, могла бы всё пересилить, все мои сомнения, и, стало быть, могла бы совершенно успешно послужить вместо первоначальной причины именно потому, что она не причина. Но что же делать, если у меня и злости нет (я давеча ведь с этого и начал)"³.

А это текст Достоевского:

Я упражняюсь въ мышленіи, а слѣдственно у меня всякая первоначальная причина тотчасъ-же тащить за собою другую еще первоначальнѣе и

² Там же. С. 234.

³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 108. – Аналогичный текст дан и в незавершенном Собрании сочинений в 15 томах.

такъ далѣ въ безконечность. Такова именно сущность всякаго сознанія и мышленія. Это уже опять стало-быть законы природы. Что-же наконецъ въ результатъ? Да тоже самое. Вспомните: давеча вотъ я говорилъ о мщеніи. (Вы вѣрно не вникли). Сказано: человѣкъ мститъ, потому что находитъ въ этомъ справедливость. Значить онъ первоначальную причину нашель, основаніе нашель, а именно: справедливость. Стало-быть онъ со всѣхъ сторонъ успокоенъ, а слѣдственно и отмщаетъ спокойно и успѣшно, будучи убѣжденъ, что дѣлаетъ честное и справедливое дѣло. А вѣдь я справедливости тутъ не вижу, добродѣтели тоже никакой не нахожу, а слѣдственно если стану мстить, то развѣ только изъ злости. Злость конечно могла-бы все пересилить, всѣ мои сомнѣнія, и стало быть могла-бы совершенно успѣшно послужить вмѣсто первоначальной причины, именно потому, что она не причина. Но что же дѣлать если у меня и злости нѣтъ (я давеча вѣдь съ этого и началъ).

Очевидно, что если читать Достоевского не по нормам современной грамматической, а по знакам интонационной пунктуации, возникает иной ритм речи его героев и ритм повествования, а ведь давно признано, что “Записки из подполья” музыкальны. До сих пор мы читаем их не по авторской, а корректорской партитуре.

Необходимо восстановить авторскую волю писателя и дать современному читателю возможность прочитать Достоевского на языке Достоевского.

Post scriptum.

В 1994 году Институт русской филологии при Петрозаводском университете и Издательство Петрозаводского университета приступают к изданию произведений Достоевского *на языке Достоевского*.

Издание подготовлено на основе нового изучения прижизненных изданий и рукописей писателя.